

УДК 616.89
ББК 56.14
Ф34

Федотов Д. Д.

Ф34 Очерки по истории отечественной психиатрии. — М.:
ИД «Городец», 2017. — 336 с., илл.

В этой работе автор дает достаточно полный и подробный обзор истории отечественной психиатрии. В целом ряде вопросов он предпринимает попытки защитить приоритет русских ученых, продемонстрировать уникальность их исследований и подходов. Книга содержит множество интересных и малоизвестных фактов из истории становления и развития отечественной науки о душевных болезнях. Она будет интересна и полезна в первую очередь психиатрам и студентам соответствующих направлений. Ведь, как справедливо замечает автор, историческое изучение научного знания имеет огромное значение: оно позволяет понять каждую научную мысль в том виде, в котором она зародилась у своего первого автора, установить ее генезис. Книга представляет также несомненный интерес для историков науки и всех, кому небезразлична судьба русской научной мысли.

Введение

В любой области знания историческое изучение его развития имеет огромное значение: оно помогает понять каждую научную мысль в том виде, в каком она зародилась у своего первого автора, установить, какие явления действительности привели к ее возникновению, каким потребностям практической жизни она служила, каким изменениям и по каким причинам она подвергалась и какой ее действительный смысл и значение в настоящее время. Каждая научная дисциплина имеет свою историю, знание которой обязательно для любого, желающего усвоить с должной глубиной и во всей ее полноте положения этой дисциплины.

Психиатрия, будучи ветвью клинической медицины, имеет свою большую историю, корни которой заложены еще в глубокой древности.

Для нас, конечно, особый интерес представляет история развития нашей отечественной психиатрии. Еще в сравнительно недавние времена некоторые наши психиатры склонны были относиться к истории развития психиатрической мысли в нашем отечестве как к чему-то лишенному и оригинальности, и интереса, как к повторению заимствованных извне чужих идей.

Так, П. Я. Розенбах в 1911 г. писал, что русские психиатры, в отличие от западных, за весь XIX век не сделали ничего собственного, самобытного.

На основании таких и подобных им высказываний у многих психиатров сложилось ложное представление, будто в России научных исследований по психиатрии до конца XIX века не было, и что вся история русской психиатрии до этого времени должна ограничиваться историей психиатрических учреждений и призрения психически больных.

Высказывалось и такое несколько более осторожное мнение, что будто бы история развития научной психиатрической мысли у нас начинается с И. М. Балинского, «работавшего в счастливых обстоятельствах и заслонившего собою более ранних

скромных работников на ниве научной и практической психиатрии» (Л. А. Прозоров)¹.

В результате господства подобных мнений весь период развития русской клинической психиатрии конца XVIII и первой половины XIX века был очень мало исследованной областью.

Можно сказать больше, вся история отечественной психиатрии XIX века разработана так недостаточно, что, несмотря на имеющиеся даже обстоятельные монографические исследования Н. Н. Баженова, Ю. В. Каннабиха, Т. И. Юдина и крупные работы Л. А. Прозорова, В. П. Осипова и других, ясного представления о развитии психиатрической мысли в России за этот период времени мы до сих пор составить себе достаточно полно не можем.

Такое положение вещей в значительной степени уходит своими корнями в ту некритическую подражательность, которая была присуща многим нашим предшественникам на протяжении всего XVII века, против которой всю жизнь боролся М. В. Ломоносов и которая, наоборот, усиленно поддерживалась многочисленными немецкими профессорами, приглашавшимися тогда в большом количестве на русскую службу царским правительством.

В первой половине XIX века многие кафедры медицинских факультетов в России также были заняты еще немецкими профессорами, большинство которых замалчивали ценные достижения русских ученых и с помощью покровительствовавшего им царского правительства всячески препятствовали продвижению этих достижений.

Такое несправедливое отношение к русским ученым и к их научным заслугам, естественно, вызывало гнев и возмущение со стороны передовых представителей русской интеллигенции, в том числе и русских врачей.

Так, один из крупных представителей русской медицинской науки первой половины XIX века, страстно боровшийся за самобытность русской медицинской мысли, за воспитание и про-

¹ Впрочем, в действительности из работ Л. А. Прозорова, посвященных этому периоду, следует как раз обратное, — а именно что у И. М. Балинского были предшественники, много сделавшие в области теоретической психиатрии.

движение русских ученых, профессор Московского университета Иустин Евдокимович Дядьковский в 1836 г. в предисловии к своей книге «Общая терапия» (с. I—X) писал: «...Между тем, в особенности на пути врачебного просвещения, русские в короткое время совершили такие подвиги, которые не только поставили их наряду с предшествовавшими им народами, но и подвинули их вперед противу некоторых из числа сих последних, — доселе не нашлось еще русского врача, который бы, исторгшись из среды окружающих его, осмелился возвысить голос свой и, развеяв знамя, запечатленное печатью ума его, успел созвать верные дружины для последования ему: отчего это? Неужели в самом деле русские, как еще недавно с самой наивной откровенностью уверяли нас некоторые из гостей наших, ищущих хлеб наш, не имеют той ревностной деятельности, которая необходима для подобных предприятий? Но это такая неправда, для опровержения которой стоит только указать на беспрерывно возрастающее политическое могущество России и беспримерную в истории ума человеческого быстроту успехов ее в просвещении».

Лишь за последние несколько лет появилось некоторое стремление к тому, чтобы глубже изучить развитие научной психиатрии рассматриваемого нами периода. Много было сделано в «Очерках отечественной психиатрии» Т. И. Юдина, — книге, которая все же развитие научной психиатрической мысли в России затрагивала лишь частично.

Рядом авторов опубликованы интересные статьи об отдельных представителях русской психиатрии первой половины XIX века: О. В. Кербиковым — о П. П. Малиновском и Т. С. Иллинском; А. О. Эдельштейном — о И. Е. Дядьковском; С. В. Курашовым — о А. У. Фрезе; М. А. Халецким — о А. Н. Пушкареве; В. М. Банщиковым — о развитии идей нервизма и др. Уже эти работы, а также и несколько наших работ, посвященных вопросам клинической психиатрии рассматриваемого периода, с достаточной ясностью показали, что развитие русской психиатрической мысли вовсе не начинается с И. М. Балинского, а произведенное нами исследование доказывает, что фигура Балинского «заслонила собою более ранних работников на ниве русской научной психиатрии» (Л. А. Прозоров) только в глазах невнимательных

исследователей. Научные труды И. Е. Дядьковского, П. А. Бутковского, Ф. И. Герцога, В. Ф. Саблера, П. П. Малиновского и многих других врачей, разрабатывавших как организационные, так и клинические проблемы психиатрии до Балинского, служат этому убедительнейшим доказательством.

При исследовании научного творчества по вопросам психиатрии врачей XVIII и первой половины XIX века обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что этим разделом медицинской науки занимались не столько специалисты-психиатры, которых тогда было мало, сколько интернисты и врачи некоторых других специальностей, причем многие из их исследований обогатили психиатрию новыми данными, освещавшими целый ряд проблем этиологии, патогенеза и терапии психических расстройств.

Огромную роль в развитии клинической психиатрии сыграли профессора-терапевты, руководители терапевтических клиник: С. Г. Зыбелин, М. Х. Пекен, Ф. И. Уден, М. Я. Мудров, П. А. Чаруковский, И. Е. Дядьковский, К. К. Зейдлиц, К. В. Лебедев, а также представители других медицинских дисциплин: Ф. И. Иноземцев, С. Ф. Хотовицкий, С. А. Громов, А. Н. Пушкарев и другие, трудами и усилиями которых закладывались основы самостоятельной клинической дисциплины — психиатрии.

Однако неправильно было бы думать, что клиническая психиатрия создавалась только в стенах академий и университетов.

Значительный вклад в развитие психиатрии был вложен также врачами-практиками. Нередко это были военные врачи, работавшие в военных госпиталях; другие врачи трудились в гражданских лечебных учреждениях, часто в провинции; были среди них и частнопрактикующие врачи. Кроме своей основной врачебной деятельности эти работники интересовались и нервно-психическими заболеваниями, иногда даже вели в этой области систематические наблюдения и исследования, результаты которых время от времени публиковались в периодической прессе или обсуждались на заседаниях медицинских обществ.

Эту связь развития русской клинической психиатрии с развитием соматической медицины вообще и особенно с развитием учения о внутренних болезнях нам особенно хотелось бы подчеркнуть. Никак нельзя согласиться с теми авторами, которые

утверждают, что русская научная психиатрическая мысль начала развиваться лишь с открытием первых домов для умалишенных; наоборот, первые русские врачи, оставившие нам свои труды, посвященные психиатрическим вопросам, были не врачами домов для умалишенных, а терапевтами, и интерес к психиатрическим вопросам возник у них в связи с их общими терапевтическими интересами.

В связи с изложенным приходится сказать, что замечание в книге Ю. В. Каннабиха «История психиатрии» о том, что будто бы психиатры долгое время были отгорожены от общей медицины и даже «более того, — от жизни», имеет ограниченное значение и касается главным образом психиатров западноевропейских больших психиатрических «азилей», а отчасти наших, в том числе и земских колоний, но это замечание никак не может быть отнесено к ведущим русским психиатрам XIX века, никогда не порывавшим связи с соматической медициной.

Необходимо добавить, что большую роль в развитии отечественной психиатрии сыграли врачи, занимавшиеся переводом наиболее ценных работ иностранных авторов по этому разделу науки. Они, как правило, давали к переводимому произведению свои предложения, примечания, дополнения, которые порой носили принципиальный характер и представляли сами по себе большую ценность.

Примером может служить перевод «Философических начертаний» Пинеля С. П. Завадским-Краснопольским, который в своих примечаниях дал целый ряд ценных высказываний, касающихся клинической психиатрии и использованных позднейшими исследователями.

С глубоким удовлетворением имели мы возможность установить, какое громадное влияние на научное мировоззрение значительного количества ведущих психиатров нашей эпохи оказали научные исследования М. В. Ломоносова, философские взгляды А. Н. Радищева, а на второе поколение психиатров — философские взгляды революционных демократов — В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского.

В настоящем исследовании мы стремились по мере возможности восполнить пробел, который имеется в истории

отечественной психиатрии первой половины XIX века, показать, как развивалась психиатрическая мысль в России в этот период, как постепенно формировалось материалистическое воззрение на сущность психических расстройств.

В связи с этим нами проанализировано значительное количество печатных работ, вышедших за указанный период по вопросам психиатрии, изучены многие диссертации отечественных авторов этого времени, подверглись исследованию отдельные рукописные материалы, использованы учебные пособия, по которым проводилась подготовка врачей по невропсихическим заболеваниям.

Кроме того, изучалась научно-практическая деятельность врачей, специально занимавшихся вопросами психиатрии.

В настоящем труде мы поставили своей задачей исследовать вопросы становления и развития клинической психиатрии, осветить взгляды врачей на причины психических расстройств, показать, как и по каким рубрикам классифицировались психические заболевания, выяснить, как понимались отдельные наиболее часто встречававшиеся в то время формы болезней (эпилепсия, ипохондрия, истерия, меланхолия, мания, инфекционные психозы, прогрессивный паралич, алкогольные психозы), каковы были взгляды на патологическую анатомию психических заболеваний и, наконец, какие принципы были положены в основу методов лечения и ухода за душевнобольными.

Далее мы стремились насколько возможно полнее отразить богатство и разнообразие клинической мысли отечественных врачей в области психиатрии.

Недостатком многих исторических работ, посвященных отечественной психиатрии, как мы уже указывали, является недооценка ее самобытности и оригинальности. Но был и еще не менее существенный недостаток русской психиатрической историографии как в давние годы, так и совсем в недавнем прошлом, когда обнаруживалась тенденция представить развитие отечественной психиатрии в изолированном от мировой науки виде, под флагом самобытности отечественной науки, по существу, без оснований показать ее ограниченность.

На самом деле прогрессивные ученые России не замыкались узкими национальными рамками, охотно поддерживали все прогрессивное и передовое в западноевропейской психиатрии.

В нашей работе мы приводим ряд примеров, показывающих, что развитие отечественной психиатрии шло с учетом тех достижений, которые имелись и в зарубежных странах.

Несмотря на то что по истории отечественной психиатрии написано немало как оригинальных работ, так и отдельных монографий, принадлежавших различным авторам, жившим в разное время, все же предстоит сделать больше, чем сделано. Объясняется это тем, что вся литература (или, вернее, почти вся) посвящена истории организации психиатрической помощи, и главным образом делу призрения душевнобольных на различных этапах истории. Работ же, которые бы шаг за шагом прослеживали ход формирования научных воззрений, помогли бы понять предисторию научной психиатрии, до сего времени насчитываются единицы.

Например, в капитальном труде Т. И. Юдина «Очерки отечественной психиатрии» приведено много увлекательных интересных сведений о выдающихся строителях психиатрического дела в России; хорошо очерчиваются отдельные этапы эволюции организованной помощи больным, начиная от монастырского периода, через так называемый период призрения к современным формам организации психиатрической помощи. Но напрасно мы будем искать на страницах этой замечательной книги данные о формировании клинических взглядов в русской психиатрии за рассматриваемый период. Автор не ставил себе этой задачи.

То же самое можно сказать и о работах П. Я. Розенбаха, И. В. Константиновского, И. Р. Пастернацкого, М. Ю. Лахтина, А. И. Роте, Ф. С. Текутьева, М. В. Игнатьева, Э. А. Гизе, А. Ф. Мальцева, О. А. Чечотта, Я. А. Чистовича, И. Г. Прижова и др.

Более подробно в плане нашей работы высказывались Н. Н. Баженов и Л. И. Прозоров. Оценка, даваемая ими тому или иному вопросу, их мнение по теоретическим вопросам психиатрии за рассматриваемый нами период даны в соответствующих главах нашей работы. Таким образом, мы попытались представить

целостную сводку материалов о развитии русской психиатрической мысли в первой половине XIX века.

* * *

В пределах русского государства, если иметь в виду период с IX—X до XVII века, душевнобольные вызывали к себе интерес преимущественно у духовенства и простых людей.

Восточный жрец перед многоголовым идолом просит о выздоровлении душевнобольного

Нам неизвестно относящихся к этому периоду научно-психиатрических высказываний (как их не было и до XVI века в Западной Европе), но нельзя не отметить, что в то время как на Западе душевнобольных считали людьми, одержимыми дьяволом и заслуживающими самого жестокого наказания, вплоть до сожжения на кострах, в России душевнобольные рассматривались как «обиженные богом», или как «блаженные», пользующиеся особым божьим покровительством, или чаще как одержимые бесом вопреки их воле, а посему и неповинные в этом. В большинстве случаев они нищенствовали и, пользуясь всегдашней участливостью русского народа к больным и нищим, были предметом заботы и попечения простых русских людей.

В течение многих веков душевнобольные в России сосредотачивались в монастырях. Призрение душевнобольных в монастырях сыграло свою положительную роль не только в смысле обеспечения больных жильем, питанием, навсегда упрочило гуманное отношение к этого рода больным, но позволило накопить первые (донаучные) наблюдения.

С 60-х годов XVIII столетия началась новая эпоха в развитии психиатрической помощи в России. Стали открываться специальные психиатрические стационары, которые в то время носили название домов для умалишенных.

Однако развитие психиатрических учреждений началось не с построек специальных больниц, а с приспособления заштатных монастырей. Так, в 1762 г. под нужды психиатрии Сенат выделил два монастыря — один в Новгородской, а другой в Московской епархиях.

Затем в 1773 г. для призрения умалишенных было дополнительно выделено по два монастыря в Санкт-Петербургской, Московской и Казанской епархиях. Выделялись как мужские, так и женские монастыри.

В 1775 г. учреждаются приказы общественного призрения, и с этого же времени начинают строиться специальные дома для умалишенных.

В полном собрании законов Российской империи от 7 ноября 1775 г. (т. XX, гл. XXV, с. 389) значится: «В рассуждении установления и надзирания дома для сумасшедших Приказу общественного призрения надлежит иметь попечение, чтоб дом избран был довольно просторный и кругом крепкий, чтоб утечки из него учинить не можно было. Таковой дом снабдить нужно пристойным, добросердечным, твердым и исправным надзирателем и нужным числом людей смотрения, услужения и прокормления сумасшедших, к чему нанимать можно или из отставных солдат добрых и исправных, или же иных людей за добровольную плату, как бы обходились с сумасшедшими человеколюбиво, но притом имели за ними крепкое и неослабое во всякое время смотрение, чтоб сумасшедший сам себе и никому вреда не учинил, и для того держать сумасшедших по состоянию сумасшествия или каждого особо заперто, или же в таком месте, где от него

ни опасности, ни вреда учиниться не может, и приложить старание о их излечении. Сумасшедших неимущих принимать безденежно, а имущих имение принимают в дом не иначе, как за годовую плату на содержание, присмотр и на приставников».

В каждой губернии был учрежден особый «сумасшедший» дом, или по крайней мере отделения для «умалишенных» при общих губернских больницах.

13 июля 1776 г. было предложено Максаковский монастырь превратить «в больницу для лишенных ума»: «Состоящий в Новгородско-Северской епархии Максаковский монастырь, оставшийся за штатом, обратить для содержания несчастных, в уме поврежденных, производя на содержание их по 956 рублей».

6 мая 1779 г. последовал Указ об учреждении в Санкт-Петербурге больницы для пользования больных и сумасшедших.

15 июля 1786 г. в Указе Сената в пункте 12 говорится: «Безумных, кои содержатся под ведомством Медицинской коллегии, перевести в дом для сумасшедших, в Санкт-Петербурге устроенный». Этот дом для сумасшедших выстроен в 1782 г. на правах отделения при Обуховской больнице. В 1789 г., ввиду увеличивающейся потребности, это отделение было значительно расширено.

Точной даты открытия психиатрической больницы в Москве не установлено. О. В. Кербинов на основании данных, обнаруженных им, называет 1776 г. В этом же году была открыта больница и в Риге. Открытие больниц в Петербурге и Ярославле относится к 1779 г. Характерно, что эти лечебные учреждения возглавлялись врачами, в то время как во Франции, например, врачебное руководство стало осуществляться лет на 15 позже, чем в России.

Один из рижских врачей, посетивший Обуховскую больницу в Петербурге в 1794 г., характеризовал ее как учреждение «очень чистое», с хорошо поставленным уходом, причем указал, что с больными обходятся «кротко», лечение преимущественно было диетическое и что в результате этого лечения многие душевнобольные «бывают вылечены».

На этом примере нетрудно показать, что содержание душевнобольных в России в сравнении с содержанием больных

во Франции большей частью заметно отличалось и своей гуманностью, и заботой о больных. Но, видимо, такое положение было не во всех учреждениях для душевнобольных. В провинциальных больницах содержание больных было не везде одинаково. Имели место скученность, воровство и грубое обращение с больными.

В 1802 г. к имевшимся домам умалишенных (Новгородский и Санкт-Петербургский) прибавляется еще одиннадцать. Были открыты психиатрические больницы в Астрахани, Вильно, Екатеринославе, Калуге, Киеве, Курске, Рязани, Тамбове, Харькове, Чернигове, Ревеле.

В 1810 г. было создано еще 12 домов умалишенных — в Вологде, Воронеже, Казани, Москве, Костроме, Риге, Могилеве, Пензе, Пскове, Саратове, Смоленске и Тобольске. В последующие годы открываются дома умалишенных в Архангельске, Владимире, Вятке, Нижнем Новгороде, Орле, Каменец-Подольске, Полтаве, Симбирске и Туле.

Кроме учреждений для помешанных, состоявших в ведении Приказа общественного призрения, в России существовали еще следующие психиатрические стационары:

- 1) дома для помешанных в управлении опекунского и попечительского советов;
- 2) дома для помешанных военного ведомства;
- 3) полицейские приюты;
- 4) заведения умалишенных, принадлежащие частным лицам.

Количество домов для умалишенных в 1819 г. достигло 35 (к 1865 г., к моменту передачи этих учреждений в ведение земства, их было 52 на 2215 мест).

После реформ Петра I появилась возможность развития и русской медицинской науки. Одной из характерных особенностей медицинского образования в царской России являлась упорная борьба русских ученых и врачей с засилием иностранцев, особенно немцев. Наиболее острой была эта борьба в XVIII веке, т. е. в эпоху первоначального развития научной мысли и медицинского образования.

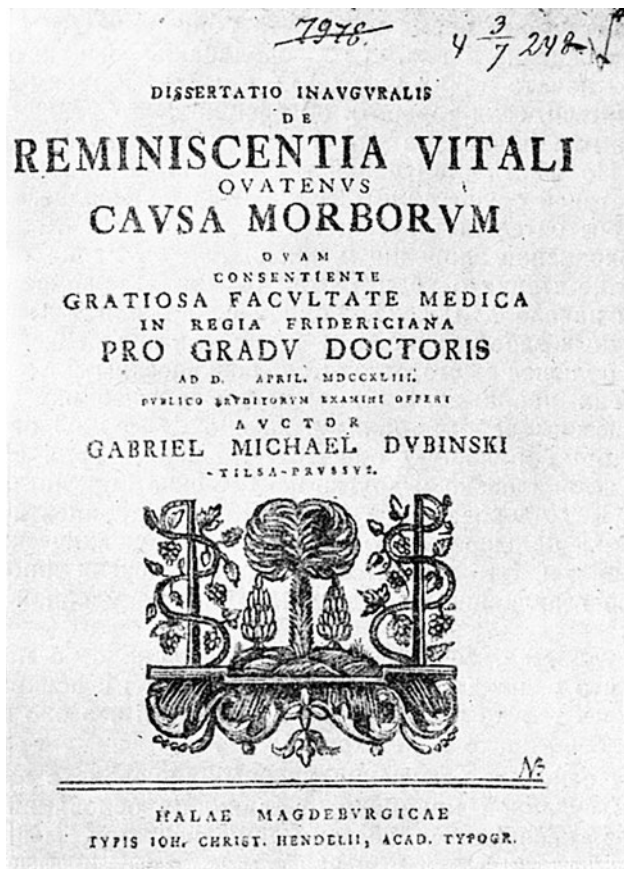
Нашим предшественникам пришлось вести порой очень тяжелую борьбу за то, чтобы дать медицинское образование русской молодежи, за то, чтобы преподавание велось на русском языке,

Титульный лист диссертации И. А. Фрезе

чтобы во главе кафедр были русские ученые и даже за то, чтобы присвоение ученых степеней осуществлялось не за границей, а в России. Лишь в 1754 г. Медицинской коллегии было предоставлено право выдавать докторские дипломы, но это право фактически было осуществлено только почти через 30 лет (в 1791 г.).

Несмотря на эти трудности, XVIII век вовсе не был бесплодным периодом по отношению к развитию психиатрии. Достаточно сказать, что к началу XIX столетия в России было напечатано более 200 произведений различного объема, относящихся к этой науке и смежным дисциплинам, в частности, ряд специальных

Титульный лист диссертации Г. М. Дубинского

диссертаций по вопросам психиатрии на степень доктора медицины, защищавшихся до 1791 г. в заграничных университетах.

Так, нам известны диссертации Владимира Ломана «О параличах и об их отличиях от других родов бессилия» (1736), И. А. Фрезе «О недостатках души» (в том же году), Г. М. Дубинского «О житейских воспоминаниях как причине болезни» (1743), Ивана Лупса «О раздражимости» (1748), Тейбелера «О ранениях головного мозга не всегда смертельных» (1750), Г. Беккера «Об истерической болезни» (1751), Ивана Апостоловича «О способах воздействия душевных волнений на человеческий организм» (1757).

В настоящее время почти что общепринятым является утверждение о том, что преподавание психиатрии в России началось в 30-х годах XIX столетия. С этим можно согласиться, если говорить об официальном утверждении программы по психиатрии и часах, отведенных на этот курс. Но фактически ознакомление студентов-медиков с психиатрией осуществлялось значительно раньше.

В обстоятельных учебниках по терапии М. Х. Пекена «О сохранении здоровья и жизни», А. Ф. Удена «Академические чтения о хронических болезнях», написанных в самом начале XIX века, наряду с описанием клиники различных заболеваний, относящихся к внутренней медицине, большое место отводится психическим расстройствам. Так, в одном из томов учебника Удена психическим заболеваниям отведено более 200 страниц, на которых подробно описываются ипохондрия, мания, истерия, эпилепсия и другие психические болезни.

И. Е. Дядьковский в своих «частно-терапевтических лекциях» большое место уделяет нервно-психическим заболеваниям. Это касается и многих других профессоров, возглавлявших кафедры терапии и судебной медицины.

Трудно, да, собственно, и невозможно себе представить, что ознакомление студентов-медиков с психиатрией началось только в 30-х годах XIX века и что оно осуществлялось только в Москве.

На основании изучения учебных руководств по терапии и судебной медицине, а также на основании материалов, касающихся истории университетов, медико-хирургических академий и их кафедр, биографий соответствующих профессоров, мы можем утверждать, что фактически преподавание психиатрии началось значительно раньше 30-х годов и, повидимому, в Петербурге раньше, чем в Москве.

В 40-х годах XIX столетия преподавание психиатрии в Московском университете осуществлялось терапевтами-клиниками Николаем Силычем Топоровым, затем крупнейшим терапевтом того времени Григорием Ивановичем Сокольским. Хотя последний и не оставил после себя специальных работ по психиатрии, тем не менее в его руководстве по терапии мы находим немало указаний на связь психических расстройств с различными

соматическими заболеваниями. В частности, укажем на те психические изменения, которые Г.И. Сокольский наблюдал при ревматизме.

Как стало известно, Г.И. Сокольский раньше Буйо описал клинические проявления ревматизма. Описанные же им психические расстройства при ревматизме позволяют установить приоритет отечественного ученого и в этом вопросе.

После того как Г.И. Сокольский в 1848 г. ушел в отставку, преподавание психиатрии вновь перешло к Н. С. Топорову.

Казалось бы, Топоров должен был использовать все то прогрессивное в области психиатрии, что было добыто в то время как учеными стран Запада, так и отечественными учеными, воспринять философские воззрения революционных демократов Герцена, Белинского и других прогрессивных деятелей своего времени. Однако этого не произошло. Топоров стал высказывать мысли о необоснованности взглядов передовых ученых. «То, что физиологи узнали экспериментальным способом о нервной системе животных, не может быть перенесено не только на доктрину о душе, но даже и на природу мозга... Человек — существо дуалистическое, состоящее из тела и души. Человеческая душа складывается из интеллекта, чувства и свободной воли,» — утверждал он.

Касаясь причин безумия, Топоров говорит «о губительной силе идей, которые в новейшее время распространились и сделались общественными в государствах Западной Европы». Профилактику психических расстройств он склонен видеть в религиозном и моральном воспитании юношества.

Количество врачей, занимавшихся вопросами психиатрии к середине XIX века, уже было значительным. Возникла необходимость создания общества психиатров.

Начало обществу психиатров в Санкт-Петербурге было положено 27 ноября 1859 г. образованием психиатрического отдела «Общего союза петербургских врачей», основанного в 1819 г. немецкими врачами Петербурга. До 6 июля 1861 г., когда было принято решение превратить отдел в самостоятельное общество, протоколы велись на немецком языке (всего было 14 протоколов); с 4 января 1862 г. по 30 октября 1864 г. протоколы «Общества петербургских врачей для помешанных» уже велись

на русском языке. С 30 октября 1864 г. до 3 февраля 1879 г. общество не работало.

Таким образом, следует считать, что в первой половине XIX века закладываются основы организованной помощи психическим больным, создаются стационары, появляются врачи, избравшие своей специальностью психиатрию.

До того разбросанные по различным пособиям, относящиеся главным образом к внутренней медицине врачебные знания отныне систематизируются в специальных руководствах и монографиях.

В периодической прессе печатаются научные работы, посвященные сложным вопросам этиологии и патологии различных психозов, клинике, терапии, содержанию и уходу за душевнобольными.

Оглавление

Введение	3
Часть I. Общие воззрения на причины психических расстройств	19
<i>Глава первая.</i> Взгляды на происхождение и природу психических заболеваний	21
Часть II. Формирование клинической симптоматики и основных элементов психопатологии	99
<i>Глава вторая.</i> Классификация психических заболеваний ..	101
<i>Глава третья.</i> Содержание и симптоматика клинического понятия «мания»	130
<i>Глава четвертая.</i> Содержание и объем клинических представлений о меланхолии	159
<i>Глава пятая.</i> Взгляды на ипохондрию	172
<i>Глава шестая.</i> Взгляды на падучую болезнь (эпилепсия) ..	188
<i>Глава седьмая.</i> Истерия и ее границы	228
<i>Глава восьмая.</i> Прогрессивный паралич	243
<i>Глава девятая.</i> Алкогольные психозы, их диагностика, лечение и вопросы борьбы с алкоголизмом, психозы в связи с инфекциями и интоксикациями	256
<i>Глава десятая.</i> Принципы ухода и лечения психически больных	284
Заключение	308
Литература	315